

Б.Е. БРОДСКИЙ

Эпистемический выбор и социальная структура

"Старым, гениально-примитивным опусом" назвал М. Вебер [1] "Коммунистический манифест" К. Маркса и Ф. Энгельса. "Кто теперь читает Зиммеля?" - с сарказмом вопрошал Т. Парсонс [2]. В этой снисходительности, в этом сарказме слышалось отрицание всех традиций социального теоретизирования XIX века, включая марксистский анализ общества. Но вот уже и эпоха "высокой теории", разрушенных догм и опрокинутых кумиров отгремела на Западе, отдаленным эхом прокатившись по России в конце 1980-х годов. Теперь на смену "ниспровергателям" и активному поиску социальных "первоначал" пришло поколение "классификаторов", сформировавшее главные подходы и направления в социальной теории.

В современной социологии оппозиция "структура" (Парсонс) - "деятельность" (Маркс) накладывается на противоположность "объективистского" (Дюркгейм) и "субъективистского" (Вебер) подходов. На пересечении этих осей, в четырех квадрантах социального теоретизирования разворачиваются основные события истории социологии второй половины XX столетия.

Структурный функционализм Р. Мертона развивает "общую модель действия" Парсонса, теория социального конфликта Р. Дарендорфа отталкивается от марксистского взгляда на социальную действительность, концепция социального обмена Дж. Хоманса обобщает теории экономического обмена А. Маршалла и Л. Вальраса, интеракционизм Г. Блюмера исходит из философских идей Дж. Мида, социальная феноменология П. Бергера и Т. Лукмана вырастает из концепции "жизненного мира" Э. Гуссерля...

Образ социальной теории как "ярмарки идей", взаимно противоречивых и разнородных, словно богатая коллекция обработанных вулканических пород философского темперамента и гения, остается господствующим в западной социологии вплоть до 1980-х годов, резко контрастируя с тоталитарным монолитом марксистско-ленинского учения.

Неудовлетворенность мозаичным характером социальной теории, неспособной выработать целостный взгляд на социальную действительность, обусловила возникновение первых "синтезирующих концепций" в западной социологии: теории *habitus'a* П. Бурдьё, теории дуальности социальной структуры Э. Гидденса, теории самореферентных систем Н. Лумана и концепции социальной коммуникации Ю. Хабермаса. Серьезный сравнительный анализ этих современных направлений теоретического синтеза становится особенно актуальным в России в ситуации концептуального вакуума после крушения марксистской идеологии.

Важнейшее достоинство марксистской социальной теории - ее ориентированность

Б р о д с к и й Борис Ефимович - кандидат технических наук, старший научный сотрудник Высшей школы экономики при Министерстве экономики РФ.

на интерпретацию динамики социальных трансформаций, исходя из внутренней структуры и логики развития общественных систем. Это достоинство, по существу, отсутствует в современных концепциях социологического синтеза, в целом рассматривающих "социальный гомеостаз" и постулирующих медленные, равновесные тренды социальной эволюции. Современное российское общество никак не укладывается в прокрустово ложе "равновесных" теоретических концепций: резкий слом модели экономического развития, бифуркации политической и социостатусной структуры наряду с кардинальными трансформациями социальной морали диктуют необходимость критического анализа концепций социологического синтеза и насущную потребность в иных теоретических подходах.

Все, что написано далее в этой работе, полемизирует и соотносится с концепциями "социологического синтеза" Бурдьё, Гидденса, Лумана и Хабермаса. Целью статьи является представление в общих чертах *теории социального выбора*, позволяющей по-новому взглянуть на особенности социальной структуры и социальной эволюции. Как мы покажем далее, именно *проблема эпистемического выбора* есть внутренний смысловой узел любых попыток создания "объединяющей" социологической теории. Попытки обойти эту проблему, представить ее как очевидную и само собой разумеющуюся ведут к непреодолимым трудностям концепций "социологического синтеза", тогда как решение ее достигается на пути логико-философского анализа когнитивной структуры социального и личностного выбора.

Концепции социологического синтеза

Далее будут рассмотрены основные современные подходы к созданию синтезирующей социальной теории. Цель при этом - не подробное описание концепций Бурдьё, Гидденса, Лумана и Хабермаса, а лишь анализ их методологических предпосылок, сфокусированный на проблеме эпистемического выбора.

Социальная теория П. Бурдьё явилась одной из первых попыток радикального преодоления противоположности субъективистских и объективистских подходов в социологической теории. П. Бурдьё [3] охарактеризовал свою социальную концепцию как "конструктивистский структурализм или структуралистский конструктивизм". Отгалкиваясь от "ортодоксального" структурализма Ф. де Соссюра и К. Леви-Строса и развивая идеи Л. Альтюссера, Бурдьё разрабатывает весьма необычный структуралистский проект: "Структурализм, как я его понимаю, признает существование в самой социальной системе (а не только в символических системах: языке, мифах и др.) объективных структур, не зависящих от сознания и воли субъектов... Конструктивизм - это утверждение социогенеза, в котором участвуют, с одной стороны, модели восприятия, мышления, поведения, составляющие то, что я называю *габитусом*, а с другой стороны - социальные структуры, в частности те, которые я называю полями и группами, включая так называемые социальные классы" [3, с. 137].

Суть концепции Бурдьё довольно прозрачна: *социальное пространство* (Бурдьё настаивает на социальной топологии, формируемой intersубъективными и межгрупповыми связями) разбивается на различные социальные поля, включающие индивидов с общими ментальными моделями постижения реального мира, т.е. идентичным габитусом. *Символический порядок* обеспечивается устойчивостью структурных форм действующих габитусов, а *символическая власть* обусловлена единообразным механизмом усвоения габитуса каждым членом общества в процессе воспитания и обучения. Таким образом, понятие габитуса становится центральным в социологической теории Бурдьё. Приглядимся, однако, внимательнее к тому содержанию, которое вкладывает Бурдьё в это понятие: "Габитус - это принцип выборочного восприятия индикаторов, направленных скорее на усиление и подтверждение габитуса, нежели на его трансформацию; это - матрица, генерирующая реакции, заранее приспособленные ко всем объективным условиям, идентичным или гомологичным с (прошлыми) условиями производства габитуса" [4, с. 31].

По мнению Бурдьё, "габитус содержит решение парадоксов объективного значения без субъективной интенции" [4, с. 28]. Социальные структуры воздействуют на "приводные нити" индивида-марионетки не напрямую, как в теории Альтюссера, а опосредованно через его габитус, т.е. ментальные модели восприятия и поведения. Промежуточное звено габитуса, вставленное между социальной структурой и индивидуальным поведением и выбором, по утверждению Бурдьё, снимает противоположность объективистских и субъективистских подходов.

Однако проблемы здесь только начинаются. Габитус - этот главный нерв социологической концепции Бурдьё - с точностью воспроизводит структуралистский принцип конечного выбора: "конечный порядок или конечность порядка, который сам этого не осознает" [5]. "Имманентный закон, *lex insita*, вписанный в тела единой историей" [4, с. 24], - так характеризует Бурдьё свойства габитуса. Проблема же заключается в том, что история далеко не "едина" и включает в себя не только плавную эволюцию, но и резкие бифуркации, приводящие к внезапной смене ментальных моделей и поведенческих гештальтов у социальных агентов. В этих ситуациях консервативность габитуса, способного на обновление лишь в соответствии с его собственными принципами (эволюционный тренд), реально оказывается тормозом, приводящим к отбраковке чересчур инерционной ментальной модели. Бурдьё продолжает: "Он (габитус) приспосабливает себя к вероятному будущему, которое он предвидит и помогает осуществить, поскольку читает его непосредственно в настоящем предполагаемого мира, единственного, который он может знать" [4, с. 31]. Но как можно реально "приспособиться ко всем объективным условиям", если не обладать абсолютным даром предвидения и знания социальных законов? Поезд, который движется, прокладывая себе рельсы, — эта метафора социального развития, сопряженного с габитусом, как нельзя точнее описывает концепцию Бурдьё.

На российском историческом опыте мы убедились, что подобные "поезда" непременно заходят в тупик. Генетическая память россиянина хранит роковые "сломы" социальной макроструктуры, не раз приводившие к резким сменам ментальных моделей, а то и к полному отсутствию готовых "поведенческих рецептов" и клише, следствием чего явились мучительные поиски нового смысла жизни и новых когнитивных установок. Объяснить подобные "сломы" теория габитуса Бурдьё просто не в состоянии. Причина - ограниченность структуралистского канона выбора, неявно "задействованного" в понятии габитуса. Интерпретация сложных феноменов социальной динамики требует более развитых теоретических моделей когнитивных систем, нежели простейшая "одноконтурная" схема габитуса.

Теория дуальности социальной структуры Э. Гидденса является попыткой преодоления оппозиции объективистских и субъективистских подходов в социологической теории, кардинально отличной по своим истокам и средствам от концепции габитуса Бурдьё, но во многом схожей с ней по результатам. Гидденс пишет: "Предметом социальных наук, в соответствии с теорией структуриации, является не опыт индивидуального актера и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени" [6, с. 4]. Изучение структурных особенностей и классификация социальных практик как явлений *sui generis* становится основной задачей социальной теории Гидденса.

Теорема о дуальности социальных структур, сформулированная Гидденсом, утверждает, что структурные свойства социальных систем представляют собой как средство, так и результат практик, которые они регулярно организуют. Различие между структурой и системой унаследовано Гидденсом от структурализма, но в отличие от Леви-Строса, признававшего однозначную причинную связь от структуры к системе, Гидденс вводит обратную связь - от системы к структуре: «Структура не является внешней по отношению к индивидам: как "отпечатки" памяти и то, что проявляется в индивидуальных практиках, она в определенном смысле скорее "внутренняя", чем внешняя по отношению к деятельности индивидов» [6, с. 61].

Если Бурдьё четко разграничивает "внешние" социальные структуры и "внутрен-

ние" структуры габитуса, то Гидденс часто сохраняет многозначительную недосказанность в метафоре социальной структуры как механизма, инкорпорированного в "свободу действия" социальных субъектов. Однако результат у Гидденса во многом схож с выводами Бурдьё: декларации в духе "структуру не нужно приравнять к принуждению, она не только принуждает, но и дает возможности" [6, с. 61] никак не подкрепляются конкретным анализом механизмов согласования рестриктивных и креативных аспектов структурной динамики.

Социальная концепция Н. Лумана претендует на кардинальное изменение исследовательской парадигмы в социологической теории. В качестве новой парадигмы Луману видится "системный подход": "Мое предложение: положить в основу понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия" [7, с. 31]. Понятие "система" Луман заимствует из кибернетики и общей теории систем, стремясь, по его выражению, "закрыть люк" между фундаментальными сдвигами в развитии современной кибернетической теории и старым концептуальным аппаратом социологии.

Луман отмечает три этапа эволюции системного подхода в социальной теории. На первом этапе общество рассматривается как *замкнутая* биологическая система, подчиняющаяся закону возрастания энтропии и в пределе стремящаяся к гомеостазу. На втором этапе "одним рывком разделение целого и части замещается разделением системы и окружающего мира". В теоретическом плане возникает разделение на *открытую* и *замкнутую* системы. "Последнюю определяли как частный случай, поскольку окружающий мир не имел для нее значения и был соединен с ней лишь через специальные каналы" [8, р. 7]. Кибернетика занимается *открытыми системами с обратной связью*, предопределяющей их негэнтропийный характер.

Третий тип развития системных представлений о социальном мире характеризуется возникновением *теории самореферентных систем*. По словам Лумана, "теория самореферентной системы утверждает, что дифференцирование систем может осуществляться лишь благодаря самореференции, т.е. благодаря свойству системы при конституировании своих элементов и в своих элементарных операциях ссылаться только на себя" [8, р. 9]. Тезис "через самореференцию к аутопопезису", выдвинутый Луманом, заставляет пересмотреть традиционную дихотомию открытой и замкнутой систем. Луман вводит в рассмотрение понятие "самореферентная замкнутость" системы, являющееся коррелятом понятия "система с эталонной моделью" в современной кибернетике. Самореферентная замкнутость социальной системы означает, что она воспроизводит себя посредством собственных дескриптивных операций, не имеющих никакого отношения к окружающему миру. Границы системы, оставаясь открытыми на субстратном уровне, приобретают замкнутость на метауровне самореференциальных характеристик в силу оперативной замкнутости системы и стремления ее воспроизводить свою референциальную границу.

Проблемы в социальной концепции Лумана возникают при попытках использовать ее для интерпретации реальных феноменов социальной динамики. Самореференциальная замкнутость системы препятствует изменению когнитивного "автопортрета" системы под влиянием окружающей среды. Однако в реальности мы видим множество ситуаций, в которых "автопортрет" социальной системы меняется резким и непредсказуемым образом. И Луман вынужден *ad hoc* вводить тезис о неустойчивости референциальной структуры системы: "Структуры социальных систем состоят в *ожиданиях*... они суть структуры ожиданий... для социальных систем, придающих временной характер своим элементам как действиям-событиям, нет иной возможности для образования структур" [8, р. 293]. Зыбкость *феномена ожидания*, включающего все нюансы психической жизни (настроения, впечатления и др.), странным образом совмещается Луманом с тезисом о "референциальной замкнутости системы". Запутанная и громоздкая терминология Лумана затемняет очевидный факт: наряду с "референциальной замкнутостью" должна существовать *референ-*

циальная открытость системы, понимаемая как степень "восприимчивости" референциальной структуры к изменениям внешней среды. Но этот круг проблем уже выходит за рамки социологии Лумана.

Рассмотрение современных теорий "социологического синтеза" я закончу анализом концепции Ю. Хабермаса. Начиная с работ 1960-х годов "Структурное изменение общественности", "Познание и интересы" и до последней крупной работы "Фактичность и значимость" (1992) социально-философская концепция Хабермаса претерпела значительную эволюцию. Меня в основном интересуют философско-методологические основания этой концепции и ключевые проблемы, связанные с этими основаниями. Поэтому вначале я проанализирую методологический аспект теории коммуникативного действия, изложенный в книге "Познание и интересы", а затем и эволюцию этой теории в последних трудах Хабермаса.

В работе "Познание и интересы" Хабермас анализирует философский феномен "разложения эпистемологии" на протяжении последних двух столетий. Кантовский эпистемологический проект (внеисторическая концепция субъекта и процесса познания) подвергается критике в философии "панлогизма" Гегеля и "праксиса" Маркса. Гегель попытался превзойти проект Канта посредством рефлексии относительно исторической размерности, в рамках которой формируются сами трансцендентные детерминанты процесса познания. Маркс предложил новое понимание взглядов Гегеля. Проследивая происхождение опыта в процессе труда, "в процессах социального воспроизводства рода", Маркс открывает одно из главных оснований для понимания эпистемического субъекта, процесса познания и социального изменения - *praxis* (практику). Однако сведение Марксом "практической деятельности" к труду, а практики к технике помешало ему создать последовательный эпистемологический проект. По словам Хабермаса, "все элементы знания, радикализованные Гегелем в критике Канта, были заимствованы Марксом и, однако, не составили материалистической эпистемологии" [9, p. 31].

В поисках дополнительной размерности для реконструкции эпистемического опыта Хабермас обращается к философии Ч. Пирса и Л. Витгенштейна. Характеризуя взгляды Пирса, Хабермас пишет: "Что отличает Пирса как от раннего, так и от современного позитивизма, так это то, что он понял, что задача методологии — прояснить не логическую структуру научных теорий, а логику процедуры, с помощью которой мы приходим к научным теориям" [9, p. 91]. Эта процедура, по мнению Хабермаса, открывает вторую (после *praxis*) конституэнту эпистемического опыта - **коммуникативное действие**: "Когда использование символов конститутивно для поведенческих систем инструментального действия, использование языка является монологическим. Но коммуникация требует использования языка, который не заключен в рамки технического контроля над объективированными естественными процессами. Она возникает из символического взаимодействия между социальными субъектами, которые знают и признают друг друга в качестве таковых. Такое коммуникативное действие есть система референции, которая не может быть сведена к рамкам инструментального действия" [9, p. 137].

В соответствии с ключевой ролью коммуникации в конституировании "жизненного мира" Хабермас разрабатывает теорию истины как консенсуса, в которой центральными являются понятия признания, значимости и рациональной приемлемости (*rationale Akzeptabilitat*). Согласно Хабермасу, истинным (значимым, нормативно правильным) может быть только такое высказывание, которое позволяет рассчитывать на обоснованное согласие всех членов некоторого *интерпретативного сообщества*. Лишая концепцию истины "вертикального измерения" и вслед за Ч. Пирсом трактуя интерпретативное сообщество, которому соответствует идея истины, как неограниченно расширяемое сообщество "исследователей", Хабермас не замечает "ахиллесовой пяты" всех подобных теорий - "эффекта толпы" (*hoarding effect*), заключающегося в большой вероятности распространения ложных и ошибочных взглядов в массовом сообществе "интерпретаторов". И здесь вряд ли помогут

"идеальные условия дискурса", выдвигаемые Хабермасом для защиты от "ложного консенсуса". Слишком уж легко этот ложный консенсус мимикрирует под "рациональную приемлемость" для всех искусно выбранных членов некоего "интерпретативного сообщества".

Концепция **коммуникативной рациональности** составляет у Хабермаса фундамент социальной теории. В "Теории коммуникативного действия" Хабермас выделяет две основные компоненты современного, функционально дифференцированного социума: *систему и жизненный мир*. В "систему" включаются прежде всего экономика и государственное управление. Негативные коннотации, которыми наделялось понятие "система" в "Теории коммуникативного действия", влекли за собой (вполне в духе марксистской традиции) социалистический лозунг "снятия" самостоятельности экономики и подчинения ее целерациональному управлению, а также тезис об отмирании государственного аппарата. В позднейших работах эти представления подверглись радикальному пересмотру. Например, Хабермас пишет: "Экономика и государственное управление фактически распространились за пределы жизненного мира. Эти подсистемы, управляемые СМИ, уже оформились в качестве второй природы. Как деперсонализированные коммуникационные сети, они игнорируют интуитивный уровень знаний людей, выталкиваемых на периферию этих систем" [10, p. 141].

Таким образом, сфера экономики и государственного управления трактуется как "необходимое зло", порождающее социальное отчуждение, в современной концепции Хабермаса: "По мере того, как объективирующие описания общества мигрируют в жизненный мир, мы становимся отчужденными от самих себя в качестве коммуницирующих индивидов. Именно эта самообъективация трансформирует наше восприятие предельно усложненных социальных систем в ощущение потока простых случайностей" [10, p. 141].

Такова, по убеждению Хабермаса, внутренняя социальная природа постмодернистского дискурса, постулирующего "случайность" и относительность традиционных этических и философских ценностей. Интегративная сила коммуникации - "интерсубъективно сформированная общая воля" - должна, согласно Хабермасу, придать внутреннюю устойчивость социальному целому.

В апелляции к интерсубъективно формируемой "общей воле" Хабермас неявно предполагает, что коммуникативный консенсус в обществе всегда достижим. Это предположение, однако, является весьма сильным допущением, отсылающим к **априори детерминистскому выбору**.

Таковы в общих чертах основные современные концепции "социологического синтеза", выдвинутые Бурдье, Гидденсом, Луманом и Хабермасом. Главная проблема, с которой сталкиваются эти теории при попытках применить их к реальным историческим фактам, - проблема согласования феномена социального порядка и бифуркационных словом социальной структуры в эпохи общественных катаклизмов. Следует признать, что социальная концепция Маркса в *принципе* лучше приспособлена для ответов на эти вопросы, нежели рассмотренные теории социального синтеза. Если социум тратит столько ресурсов для поддержания социального порядка, то откуда взяться мотивам и стимулам для социального обновления?

Я далек от ностальгических воспоминаний о "всесильном и единственно верном учении марксизма-ленинизма". Смысл сказанного состоит в нежелании отбрасывать те ценные стороны марксизма, с которыми Россия легко и бездумно рассталась в начале 1990-х годов: концепцию социального "отчуждения" и идею исторического развития через конфликтное взаимодействие общественных подсистем. Представляется, что синтезирующая социальная теория должна интегрировать эти идеи Маркса в обновленную **теорию социального выбора**.

Проблема эпистемического выбора является внутренним смысловым узлом концепции габитуса Бурдье, теории дуальности социальной структуры Гидденса, "самореферентных" систем Лумана и теории истины как коммуникативного консенсуса

Хабермаса. На мой взгляд, именно неотрефлексированность этой проблемы порождает множество неразрешимых трудностей в каждой из теорий социологического синтеза. Цель дальнейшего изложения - анализ феномена выбора как главного фактора структуризации социальных систем.

Проблема эпистемического выбора

Вряд ли будет преувеличением сказать, что проблема эпистемического выбора представляет собой подлинный контрапункт современного философского дискурса, интеллектуальный узел, в который сходятся различные направления в эпистемологии и социальной теории XX столетия. Истоки этого философского феномена мы находим на рубеже XIX и XX веков в революции основ логико-математического и естественнонаучного мышления, приведшей к кардинальным изменениям классической картины мироздания.

В рамках галилеевской механики выбор системы отсчета в пространстве и времени не является решающим фактором: все инерциальные системы отсчета эквивалентны, а время полностью обратимо. Эйнштейновская теория относительности и квантовая механика внесли существенные коррективы в понимание **априори выбора**: выбор системы отсчета - связанных с *наблюдателем* макроусловий физического эксперимента - структурирует перспективу видения и особый "жизненный мир" с уникальными естественными законами. В этом жизненном мире актуализируются лишь некоторые фундаментальные ипостаси Бытия, другие же феномены оказываются скрытыми априорными рамками видения физических событий.

В 1904 году Э. Цермело впервые осознал первостепенную значимость *аксиомы выбора* во многих математических доказательствах. Статья Цермело вызвала горячие дискуссии в математическом сообществе. Суть критики аксиомы выбора сводилась к тому, что если не указано конкретное правило, согласно которому выбираются элементы множеств, то реально выбор не производится и новое множество не образуется. По выражению Э. Бореля, "выбор без правил представляет собой акт веры", и поэтому аксиома выбора "лежит за пределами математики".

Вместе с тем любопытно проследить внутреннюю связь аксиомы выбора со стилем научного мышления, возобладавшим в Новое время. Позиция естествоиспытателя - беспристрастного наблюдателя универсума природных фактов, ставящего *объективный эксперимент*, предельно очищенный от субъективных взглядов и предпочтений, - как нельзя лучше коррелирует с содержанием аксиомы выбора. По сути, аксиома выбора представляет собой одну из несущих опор концептуального каркаса научного мышления Нового времени: в своем беспристрастном вопрошании загадок мироздания, в бесконечно возобновляемом акте объективного выбора человек уподобляется творцу, свободно созидающему мир форм и идей.

На протяжении первой половины XX столетия в логике и математике утверждался новый, *конструктивистский (финитный) канон* эпистемического выбора. Суть его в следующем. Фиксируется конечное число гипотетических аксиом о свойствах объекта познания (предметной области) и конечное число правил вывода из аксиом. Посредством финитного применения правил вывода к сформулированным аксиомам доказываются все теоремы и следствия теории. Затем *выбирается* подмножество истинных утверждений из заданной предметной области (или, что то же самое, подмножество истинных эмпирических фактов), доказуемых в рамках теории, т.е. конструируется возможная реализация, в которой истинно каждое доказанное утверждение об объекте познания. Эта возможная реализация называется *моделью*. Подобный финитный вывод - финитно как множество исходных гипотез, так и множество правил вывода - порождает *проблему непротиворечивости*, т.е. отсутствия парадоксов и антиномий в построенной теории, и проблеме полноты, т.е. соответствия модели всему множеству истинных фактов об объекте познания.

Теорема Геделя о *неполноте формальных систем* и теорема Тарского о *невыразимости истины*, описывающие дедуктивные и выразительные возможности формальных аксиоматических исчислений, на протяжении большей части XX столетия являлись "твердым ядром" эпистемического универсализма - тезиса о невозможности полной реализации принципа финитизма и конструктивистского канона выбора. В начале 1990-х годов этот тезис был поставлен под сомнение в работах Я. Хинтикки [11], построившего новую модель пропозициональной логики 1-го порядка с *независимыми кванторами*. В рамках этой модели истина может быть описана средствами формального языка, что, по мнению Хинтикки, дает основания для ревизии результатов Геделя и Тарского и перехода от универсалистской к модельной трактовке истины.

Вместе с тем эти результаты заставляют задуматься об особой роли эпистемического выбора в логике и методологии математики. Как инфинитный (аксиома выбора), так и финитный (конструктивистский) каноны эпистемического выбора оказались не в состоянии устранить "парадоксальный остаток" априори выбора. Суть *парадокса выбора* состоит в том, что если выбор полностью детерминирован некоторой системой логических аксиом, религиозных заповедей, научных законов или идеологических установок, то он не является *порождающим*, т.е. не ведет к открытию новых истинных свойств объекта познания; если же выбор индетерминирован, т.е. совершается вне любых гипотетических рамок (аксиома выбора в математике) либо вопреки господствующей системе гипотетических аксиом (буддийский канон выбора), то он не является предсказуемым.

Через философскую концепцию Б. Спинозы детерминистский канон эпистемического выбора вошел в философию Нового времени: система Гегеля представляет собой всеобъемлющее развертывание тезиса Спинозы об абсолютном божественном и природном законе, управляющем развитием мира. Исторический материализм Маркса также исходит из детерминистского выбора на основе "знания объективных законов истории". А. Шопенгауэр совершил философский подвиг, вполне сопоставимый по своему значению с методологическим открытием Спинозы: инкорпорировав буддийский канон спонтанного выбора в европейскую философскую традицию, он явился предтечей множества философских систем XIX и XX столетий, объединенных идеей изначального недоверия к Разуму и пристальным вниманием к Воле, Вере и Экзистенции - эквивалентам спонтанного выбора в западной философской традиции.

Во всех дискуссиях о *проблеме истины* в современной философии неявно присутствует априори выбора. Возьмем известную объективистскую трактовку истины, восходящую к Аристотелю: "Высказывание p истинно, если оно соответствует реальности". Но что подразумевается под словом "реальность"?

Подразумевается то положение дел в мире, которое было изначально выбрано нами как знакомый и привычный образ мира, вошедший в глубинные пласты подсознания и не подвергаемый сомнению и анализу. Этот изначальный образ мира полагается незыблемой эпистемической платформой в объективистских концепциях истины. Но где она, эта наивная детская вера в незыблемость внешнего мира? Так ли "бел" этот "снег", как пишут в стандартных учебниках логики?

Глубокая связь *проблемы истины* с априори эпистемического выбора становится явной в социальных науках. А. Назаретян в дискуссии на страницах "ОНС" [12] предлагает отказаться от понятия истины в науке и философии, заменив его понятием *модели*. Но чем мотивирован этот отказ? Мотивирован *выбором*, стоящим перед современной цивилизацией. По убеждению Назаретяна, сохранение классической *концепции истины* в науке и политической философии ведет к гибели цивилизации в междоусобных конфликтах, порожденных различием культур, претендующих на уникальную истинность своего образа мира. Итак, выбор пути сохранения цивилизации диктует существенную трансформацию понятия истины: вместо уникальной и сверх-

ценной истины - множество моделей мира, не претендующих на всеобъемлющую полноту и подвергаемых проверке на функциональную адекватность.

Оппонент Назаретяна А. Никифоров убежден, что отказ от понятия истины повлечет за собой отсутствие объективных критериев познания, и предлагает разграничить понятие истины, "целиком определяемой объектом", в естественных науках и понимание истины как "правды" в социальных науках, "способной подчинить себе объект" [13]. На мой взгляд, аргументы Никифорова совсем не убедительны: в современном естествознании - и здесь мы обращаемся к теории относительности и квантовой механике - истина физического эксперимента уже не определяется "полностью объектом", а во многом зависит от субъективного вклада наблюдателя. Понятие правды, предлагаемое Никифоровым для социальных наук взамен истины, лишь понапрасну умножает сущности. Здесь лишь с особой отчетливостью заметна внутренняя связь проблемы истины в социальных науках с *проблемой выбора референтной реальности* социальным субъектом.

Моя позиция такова: для методологии социальных наук первостепенное значение имеет анализ проблемы эпистемического выбора. Решение проблемы истины достигается здесь в результате изучения структурных особенностей личностного и социального выбора. Далее будут рассмотрены современные трактовки проблемы эпистемического выбора в социальной теории.

Авторы проанализированных выше синтезирующих концепций в современной социологии в целом разделяют детерминистский канон эпистемического выбора. Пожалуй, наиболее откровенно пишет об этом А. Гидденс в предисловии к своей главной методологической работе: "Эта книга действительно может быть точно охарактеризована как пространное размышление на тему знаменитого высказывания Маркса: "Люди делают историю, но не в обстоятельствах своего собственного выбора" [14, р. XXI]. Здесь Гидденс дает вольный перевод из "18 Брюмера Луи Бонапарта": "Люди создают свою собственную историю, но они делают ее не из свободных вещей, не в самостоятельно избранных, а в непосредственно предназначенных, преданных и переданных им обстоятельствах" [15, р. 115].

Но далее исторический материализм Маркса и теория структуризации Гидденса кардинально расходятся: если Маркс трактует "непосредственно предназначенные исторические обстоятельства" как проявление фундаментальных и непреложных законов Истории, то Гидденс, безоговорочно отрицая сам факт существования объективных социальных законов, видит в этих обстоятельствах проявление *повседневной рутины* социального и личностного Бытия, формирующей рекурсивные социальные практики. Одну из своих главных задач Гидденс усматривает в *деконструкции* теории социальной эволюции на основе методологического постулата о том, что человеческая жизнь представляет собой не последовательность "событий" и не череду смыслообразующих личностных выборов, а лишь мерное течение жизненной рутины, принуждающей продолжать и возобновлять прошлые обстоятельства, варьируя их в рамках доступных социальных шаблонов.

Апологетика социального гомеостаза, "вечного возвращения" в привычное русло **рутины** (Гидденс), **габитуса** (Бурдьё) или **системы** (Луман) становится в особенности прозрачной при сопоставлении современных синтезирующих концепций с социальной теорией Маркса, в которой социальный закон проявляется именно в смене общественных формаций под воздействием непреложных экономических факторов (вызревание новых производительных сил в рамках старых производственных отношений). Пожалуй, лишь у Хабермаса в период работы над книгой "Познание и интересы" сохраняется это марксистское понимание потенциала социального обновления в форме "эмансипационного когнитивного интереса" личности, позволяющего преодолеть условия искаженной коммуникации, идеологический диктат и социальное отчуждение. Апеллируя к фрейдистской концепции "Оно", Хабермас видит в фундаментальном "когнитивном интересе" личности начало, выводящее за рамки привычной "рутины" или приобретенного "габитуса" и формирующее *социальный*

дискурс, противостоящий давлению "системы". Вместе с тем сложнейший спектр коннотаций, которыми наделяется концепция "Оно" в психоаналитической теории Фрейда, никак не вмещается в рамки работ Хабермаса, особенно последних ("Фактичность и значимость"), где отдается явное методологическое предпочтение нормативной теории истины и социального выбора.

Во второй половине XX столетия в западной социальной теории возникает новое направление исследований - *теория общественного выбора* (Public Choice Theory), базирующаяся на постулатах, прямо противоположных марксистским. "Люди делают историю в обстоятельствах собственного выбора" - так можно сформулировать основной методологический тезис этой школы, сделавшей упор на применение методов экономической теории и, в частности, *теории игр* к политическим и социальным исследованиям.

Один из наиболее ранних и поразительных результатов теории общественного выбора, носящий название "дилемма заключенного", вскрывает глубокую противоположность личного и социального выбора, являясь простейшим и эффективным возражением против анархистских и либеральных иллюзий. Суть этой дилеммы заключается в том, что преследование личного интереса каждым членом социальной группы приводит к асоциальному итогу - положению дел, при котором в проигрыше оказывается вся группа. Оптимальный социальный выбор далеко не совпадает с оптимальным личностным выбором членов социума.

Исследование процедур принятия решений в социальных группах - демократического голосования, координации политических стратегий - становится главным предметом теории общественного выбора в 1960-1970-х годах. Трактовка социального выбора как процесса агрегирования "жестких" индивидуальных предпочтений, унаследованная от неоклассической школы в экономической теории, привела к парадоксальным следствиям. Теорема Эрроу [16] утверждает, что не существует эффективного механизма согласования и агрегирования индивидуальных предпочтений (за исключением простейшего "бинарного" случая), удовлетворяющего естественным условиям коллективной рациональности, Парето-оптимальности, независимости альтернатив и отсутствия диктаторских решений. Отсюда напрашивается вывод о неизбежности авторитарного диктата на макроуровне социального выбора. Вместе с тем парадоксальный результат теоремы Эрроу свидетельствует скорее о неадекватности исходных предположений ("жесткая" априорная структура индивидуальных предпочтений) реальным особенностям социального выбора.

Акцент на процедурах согласования индивидуальных стратегий в современной теории общественного выбора зачастую затемняет весьма важные аспекты социального выбора, связанные с формированием *общих ценностей* - этических, политических и социальных, скрепляющих неустойчивую мозаику индивидуальных стратегий и предпочтений в динамической перспективе. Любопытно, что применение самых элементарных этических правил ("tit-for-tat" - око за око) позволяет избежать асоциального исхода в динамической модели "дилеммы заключенных".

Для теоретического анализа сложных динамических структур социального выбора, включающих, помимо процедур согласования индивидуальных стратегий, процедуры взаимной адаптации эпистемических моделей, необходим выход за рамки современной теории общественного выбора. Построение более сложной *теории социального выбора*, предполагающей анализ функций когнитивного управления (и, в частности, координации индивидуальных стратегий), моделирования, адаптации и диагностики в различных социальных и личностных контекстах, является предметом дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. "Объективность" познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век. М., 1995.

2. *Parsons T.* The structure of social action. New York, 1937.
3. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993.
4. *Бурдье П.* Структуры, *habitus*, практики // Современная социальная теория. М., 1995.
5. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
6. *Гидденс Э.* Элементы теории структуриации // Современная социальная теория. М., 1995.
7. *Луман Н.* Изменение парадигмы в системной теории // Современная зарубежная социология. М., 1993.
8. *Luhmann N.* Social systems. Stanford, 1995.
9. *Habermas J.* Knowledge and human interests. London, 1971.
10. *Habermas J.* The unity of reason and the diversity of its voices // Postmetaphysical thinking. Cambridge, 1992.
11. *Хинтиikka Я.* Проблема истины в современной философии // Вопросы философии. 1996. № 9.
12. *Назаретян А.* Истина как категория мифологического мышления (тезисы к дискуссии) // Общественные науки и современность. 1995. № 4.
13. *Никифоров А.* Революция в теории познания? // Общественные науки и современность. 1995. № 4.
14. *Giddens A.* The constitution of society. Outlines of the theory of structuration. London, 1984.
15. *Marx K., Engels F.* Werke. B.8. Berlin, 1960. S. 115.
16. *Arrow K.J.* Social choice and individual values. New Haven, 1963.

©Б. Бродский, 1997